

Колотовкина (урожд. Липина) Елена Петровна.

(6.06.1918- после 1990)

Воспоминания. Расшифровка видеозаписи (сделана примерно в 1990г. внуком Сергеем Колотовкиным)

Колотовкина Елена Петровна (ЕП): За сутки собрались, 3 мешка натолкали тряпок. И в лаптях поехали, “кулаки”. Отца посадили. Потом брата посадили. Вот какой закон был... Мать осталась со мной. Пришли и говорят: “завтра вас увозим”. И всё... Она мешки взяла и давай туда вещи уталкивать. А что там утолкаешь-то?

СК: Сильно богатые были?

ЕП: Да какие богатые... Две коровы да две лошади. Им план дали. Зажиточных. А мы ведь в колхозе были. Из колхоза взяли. Потому что трудились мы честно, вот ведь что. И две семьи нас. А старший брат отделился ещё раньше, жил в другом сельсовете. И его взяли. Разве это законно? Ну кого-то брать надо было... А потом через два года мамин брат (он в сельсовете работал) пишет: “Никита (старший брат Елены Петровны, был сослан вместе с ней) мы высылаем документы, возвращайтесь обратно. Вас неправильно сослали”. А брат написал: “Большое спасибо. Я лапти больше носить не хочу. Я хожу в туфлях”. Он к тому моменту в шахте работал. Я, бывало, приеду в деревню, девчонки: “Ой, Ленка, ты в туфлях ходишь! А мы всё ещё в лаптях...”. Я им говорю: “Ходите на здоровье. Я же кулачка была, кулачка и осталась”. В 12 лет (примерно 1932г - СК) на кирпичный завод пошла работать, помогала снохе. А она потом говорит: “Ну проведите её приказом, хоть она деньги получит, платье к школе сошьет”. А я высокая была, а он (видимо, кадровик завода - СК) так смотрит оценивающе: “А сколько ей лет?”. А сноха ему: “12”. “Да вы что! Хотите меня в тюрьму посадить?”. И вот я давай писать дяде (который из сельсовета - СК). А тогда же ни метрик (свидетельств о рождении), ничего у нас не было, окрестили - и ладно... “Дядя Петя, пришлите мне справку вместо метрики. Прибавьте мне два года”. Прибавили. Я вообще-то с 1920-го. Написали с 18-го... И так и идёт по сей день..

СК: Так вы на пенсию раньше вышли, снова закон “обманули”?

ЕП: Да нет, я вышла в 52 года (на Севере на пенсию женщины по закону выходили в 50 лет). Ровно в 50 лет, если по-правильному. Потом правда сноха бригадиру созналась. Но приказом всё- равно оформили. Так я хоть денежки немного получила. На платье-то надо. Вот так мы в Анжерке (Анжеро-Судженск, Кемеровская область - СК) жили. А отца через месяц освободили. Освободили и в колхозе оставили. Мы опять

пишем: “Дядя Петя, выпустите отца, пусть он сюда едет”. А он: “А у нас в кузнице кто будет работать? Бороны ремонтировать, телеги, сани?”. И так он жил там один.

СК: Так и не съехались?

ЕП: Нет. Потом он приезжал к нам в гости. Потом мать к нему уехала. Я с братом осталась. 7 классов кончила, здесь в техникум (*на медсестру - СК*) пошла. В общем моя жизнь как картинка. Детства не было. Не хочется вспоминать - одни слёзы.

Там (в Анжерке) в четвертый класс пошла, а тогда 11 лет в школу ходили. Пять классов кончили. И наш весь класс на прополку. Там участки были - где помидоры садят, где свеклу, где морковь. Нам за это по 10, по 15 рублей давали. Но тогда и дешево все было.. Но зато платье новое к школе.. Не сидели.. А из 7-го класса нас даже в шахту один раз загоняли на прорыв. Угля много было, а отбрасывать на ленту - некому. И вот весь класс- туда. Спустили нас.. Лента идёт, широкая, а мы- кидаем. Попробуй сейчас с седьмого класса (*смеется*), ребенок же он.. Да и вы еще же ребята (*авторам записи тогда было по 19-20 лет*).

ЕП: Тяжелая у меня жизнь была. У меня однажды спросили уже в наши годы “Чем вы занимались во время войны?” Я ответила “если бы вы спросили, чем мы не занимались...” Больница дровами отоплялась - ездили, готовили лес. Лето придёт - воскресники. Я была секретарем своей комсомольской организации. Вот звонят: собирайте комсомольцев, пришел пароход привез то соль, то муку, то ещё что-то - нужно выгружать. Никогда не забуду, река, яр крутой. Спуск сделан шириной в 3 доски, муку вытаскивали на носилках. Передний идёт согнется вдвое, у заднего носилки на плечах лежат. Мешок погрузят - тащим. Помню, с Анькой вытащили - никогда не забудется.. Говорю - Анька, я устала. Она мне - я тоже устала. Говорю, давай попробуем на плече таскать (крупчатка была весом 50кг). Ну, давай, говорит она. Спустились с носилками (а там ведь ещё люк). Ну, говорю, давайте ребята, на плечо. Они говорят - вы что, сдурели, что ли? Нет. А мы им - мы с носилок уроним мешок в воду - нас посадят. Ну что. Нагрузили нас. Я спрашиваю - Ань, как чувствуешь? Она мне - ты знаешь, легче. Мы тогда здоровые были..50 килограмм.. А сейчас 5 кг понесешь и спина заболела... То соль придёт. Думаешь - “много на носилки её положить - тяжело.. Мало - как-то стыдно..” А потом военное дело стали изучать. Зимой угонят на пески (несколько километров от села) - роют там окопы.

СК: Зимой???

ЕП: Да! Вы не верите, но это кошмарное дело было. И никто не откажется. Помню еще до войны, в сороковом году. Секретарь нас собрал 15 человек, на лыжи поставил - и до Ларино (*деревня в 15 км от*

Александровского - СК). Ночью! А я тогда не знала где это Ларино. “А где это? А вон Ванька вас поведет. Впереди паренек с фонариком “Летучая мышь” и взади “Летучая мышь”. Ну это разве жизнь была? *(смеется..)*. 15 километров до Ларина, если напрямик *(ночью.. без прототоренной лыжни.. - СК)*. И как-то не уставали. А я оттуда пришла, и вот у меня рука, помню, отекала. До совхоза дошли, а я тогда жила с одной девушкой, с Марией. Я говорю, знаешь, Маша, у меня рука - всё. Вот руби её сейчас - я ничего не чувствую. Палец кусаю - не больно. И вроде не мерзла, ничего... Она говорит - давай, снимем лыжи и бегом побежим. А у нас была дома с ней сумка Скорой помощи. Там спирт должен был быть... Прибежали до людей, она кричит - давай сумку нашу. Нас спрашивают - что такое? Нам надо спирт - у Ленки рука отмерзла! *(смеется..)* Взглянули - а там спирта нет. Ребята выпили, паразиты)). Сидят, хохочут. Что вы хохочите? Секретарь тут выходит “ну-ка, где ты руку-то отморозила?”. Я ему руку показываю и говорю - тащи топор, руби, ничего не чувствую. Он ущипнул - не чувствую. А у меня у кофточки рукавчик был совсем коротенький, выше локтя, резинка тугая-тугая. Он под резинку палец подтолкнул, как рванул. “Что ж ты ещё жгут не наложила!”. И всё... Вот разве не дураки были?

То ходили, стреляли... Нас вот всё готовили к войне... А тут и война. Тут повестки пошли. Три повестки было *(на Елену Петровну)*. Всё оставляли. Я плачу, что оставляют. Всё хотела сбежать. Всё было. В войну тяжело нам пришлось. 400грамм хлеба. По чуть-чуть крупы, сахара, масла дадут. Хлеб принесёшь - а ведь мы молодые, здоровые были - и думаешь, вот эти 400 грамм бы за раз - я бы сыта была. Но нет. Надо ещё на вечер, на утро оставить.

Посылали нас рыбачить. У меня тогда уже комсомольская организация была человек 5. Дали задание - поймать 5 кг рыбы. Но чем? А у нас, у девчонок, просто нечем. Хоть подолом иди и лови. Взяли марлю в больнице, идем к озеру рядом с селом. Идем мимо землянок в которых ссыльные жили. Видим на изгородке небольшой невод висит. Посмотрели - никого нет, землянка на замке. Девчонки говорят - “давайте стащим”. Говорю - “ а вдруг поймают”. Ну договорились - вставайте в ряд, прикройте, а мы будем свертывать. И бегом... Хозяйка то не увидела. Но соседи-то видели... Пришли, залезли в это озеро, по колению в ил утонули *(смеется)*. Бродили-бродили, но 5 кг поймали. Невод сполоснули. Сами грязные как черти. Идём обратно, а хозяйка стоит на дороге *(смеется)*. Как она на нас ругала... Ну и я как секретарь, мне пришлось объяснять да заступаться. Вышла вперед да говорю ей невинным голоском “Бабуль, мы ж эту рыбу не себе. Мы её сейчас сдадим. Может вдруг вашей родне она достанется. У вас сын есть?” “Наверное убили уже...” говорит она. “ А может быть он будет есть...” Еле-еле уговорили. “Развешивайте сушить!”, говорит. Развесили... Зашли в магазин, взвесили рыбу - есть 5 кг.

Кто лес готовил. Кто дрова. Лесиной один раз чуть не прихлестнуло. С санитарочкой пилим лесину. Лесина такая толстая. Спилили. Она повалилась в одну сторону. Вроде в сторону от меня пошла. Думаю упадет, да и всё. А она от корня то как сыграла да в мою сторону. Прямо перед лицом. Несколько сантиметров от головы пролетела. Санитарка стоит: “Елена Петровна, вы живые?”, уже плачет. “Живая вроде”. “Да ведь вас же лесиной чуть не убило...”. Я посмотрела - и правда лежит ствол прямо у моих ног. Сели мы на эту лесину, да как мы с ней зарыдали! Остальные сбежались - “что случилось?” Санитарка: “На Лену упала лесина и чуть не убила” и снова реветь. (смеется) Вот шуму то было... И всё вручную. Распилили на части. На сани накатали. На лошадях увезли.

На нашу долю много пришлось...Очень много.

Ещё в больнице хозяйство было слава богу большое. Больные не голодали. Мелкий скот... телята... овцы были... 70 голов было. Лошади, коровы. Заимка была, где косили сено. Молоко своё... Творог свой...Мясо своё... А выдавали по карточкам. Больной идет в больнице - вырезаешь талон. На продукты, на хлеб. Вот так и прожила... Ничего, выжила. Может сейчас уже чужой век живу (смеется).

Женихи были. Но не судьба. Один, Коля-художник, сосланный с Волги, всё сватал... Говорю ему - не-е, я в командировку уеду. Я одна жила, чуть что - меня в командировку. В Ерганкино немцев прислали (сосланных) - все больны сыпным тифом. Их с Волги прислали в Новосибирск осенью А весной, как пошли пароходы - их к нам, по районам. Ерганкино - заимка была Криволицкая. 8 домов - в них 148 человек жили. Нары, солома - и всё. И сыпной тиф. Я там 2 с половиной месяца жила. И там дезокамеру построили... И баню построили. И жарили их, и парили. И вывели вшей. Сколько там была вшей... Оттуда приехала, два дежурства отдежурила - меня на Опытное поле. Там опять вспышка. Туда пешком больше месяца ходила - утром и вечером. Весело прожила. Тиф привезли с Новосибирска. А его трудно остановить. Вшей-то до черта было.

Помню первый у нас болел в Ларино. Там меня тогда хотели к стерлядям приучить (смеется). Жила на квартире у председателя колхоза, Соснин его фамилия. Вечером уедет сети проверять, утром полное корыто стерляди. Они в корыте шевелятся... черные.. Я как посмотрю, меня лихотит. Я вспомню сразу уральских змей... У нас там змей много (смеется). А они (хозяйева) распорят рыбу, и чушью (сырой) на стол. Картошку отварят. И мне - “ешьте!”. А я не могу. Да ещё кровь там немножко. А там учительница жила, их родня. “Лен, е-ешь..” ”Не могу.. там же кровь... они на змей похожи..” Они к вечеру подсолили. “давай, кушай, малосольная же” А потом и приучили меня... Домой поехала, мне

4 штуки вот таких дали... Я приехала, посолила их.. Научили меня солить к тому моменту.

В Кичаново одни остяки жили в юртах. Как они жили... В 41-м году вода страшная была. Председатель приехал и говорит "у нас там остяки. У них вшей много. Присылайте человека". И посадили меня на облас как дурочку. И еще один тут паренек с сельсовета ехал. На той стороне берега не видно... Все водой было.. Он говорит - "вот садитесь. За борта руками не беритесь." "А что делать?" спрашиваю. "А вот сложьте так на грудь крест накрест" (смеется). Перевез, в тальник завез. "Слава Богу..." говорит. А я то не знала где река основная. "Что такое", спрашиваю. А он - "здесь перевернемся так хоть за палочку можно удержаться". А здесь Обь - как море было... По тальнику по-тихоньку выбрались в Кичановскую протоку. Заехали, всё ничего - вдруг ветер подул северный. Он на меня: "Не держитесь! Не лезьте к бортам!" А тут уже и юрты кичановские видно... Вот подъезжаем к неводнику первому (неводник-лодка?) Он даже ничего не говорит. Волна. "Держитесь за неводник!" Поймали неводник. А тут как хлестнет - и полобласка воды. А он: "Ну, тут уж мы не утонем.." Заскочили в неводник.

А там юрты, землянки. Зайдешь в одну - ничего нет. Сидит бабка косматая. Тут же ребенок сидит на соломе. Во вторую захожу - зыбка из бересты сделана. Заглянула - там опилки или сено ли. И дитё сидит, какой-то тряпчешкой закрыто сверху. Смотришь и думаешь - "мы-то бедные... А тут-то что делается..". Посмотрела. Ну что, ясно что вшей-то до черта. Захожу в другую юрту - ну здесь лучше, на стене детское драповое пальто висит. Слава Богу, хоть одну вещичку детскую увидела. У них ничего не было. Они платье изнасят, снимают, другое одевают. Ближе к пальто подошла - а по нему белые тощие... (вши). Я оттуда как убежала, пришла в сельсовет. Спрашиваю у председателя - что делать будем? Где жарить? А он мне "Ой, Елена Петровна, ума не приложу, я уж об этом думал. У нас есть баня. Топить будем, вешала наделаем. И над каменкой повесим. А они пусть моутся." Вот заходят остяки в баню, я командую, где что развесить надо.

А в Ерганке мы такую дезокамеру сделали, до 100 градусов нагоняли...

А немцы (*ссылъные*) сердитые, одна нас матом крыла. Я ей - ты меня не крой матом, я тоже умею (смеется). Первый раз мы ходили утюгом гладили. Пока дезокамеры не было. Вот гладим, а вши в рассыпную... Голова заболит.. Менялись с Тасей. Утюг был паровой, на углях, угорали от него..

К одной пришли, мать с дочерью - бедненькие такие, на них хлопчатобумажные кофты были. Вши по бороздкам кофты ползут... Вечером придём с Тасей - одна разденется, закроется одеялом, а другая гладит ее одежду. Сначала нас трое было, потом фельдшера отправили

в Назино, потом Тасю забрали, я одна осталась. Ещё полмесяца жила, следила уже.

А с Ерганкина отправляли в Криволуцк. 7 километров, там церковь была, больница. С нами в бригаде ехала врач сосланная. Спрашивает - "девчонки, болели сыпным тифом?" "нет", говорим. "ой, бойтесь, тяжело болеть им, ой, бойтесь... я проболела лет 15 назад как" "Да у вас иммунитет наверное.." Как в воду смотрела. Она заразилась. Увезли в Александровское и там она умерла. Вот так и ездила всю войну.

То на рыбалку. Пошлют на рыбалку, на подледный лов. А я не знаю - как подо льдом-то ловят? Меня в Ильяк направили. Это до Раздольного 30 километров и там ещё километров 5 до этой деревни. Пешочком. Я говорю, а куда мне идти-то? "Ну Пасол-то знаешь?" Знаю, говорю, мы там косим. "Вот по другой стороне идите и никуда не сворачивайте." Вот я шла. Март месяц был. Фуфаечка на мне, пимы. И шуруешь. Около Раздольного уже, помню, отвернула. а там на лошади ехал пенсионер: "Ты куда идешь-то?" Я ему: "В город Ильяк" (смеется) "А ты знаешь, где он?" "Да откуда же. Но вроде дымок показался, наверное что-то есть". "Это Раздольное, садись". С себя тулуп снимает

- Одевай!

- Да мне жарко.

- Вот именно, что тебе жарко. .

Привез он меня до Раздольного. Завел в контору. И председателю говорит "Вот в командировку человек идет, в Ильяк, отвезите её, чтоб пешком не пошла" А тут уже вечер. К председателю в дом пошли. Там хозяйка чаем напоила. Запрягли кобылу его, отвезли.

Вот живу день, живу два. Приходит председатель, говорит "Поедем сегодня к рыбакам" Поехали "Давайте костыль (косцырь?) посмотрим" Давайте, говорю. Мы их делать-то делали. как ставят как ловят, не знаю. Он вытащил, там мало рыбы, всего с килограмм чебачков. Все-равно - в кошевку их. Едем дальше. "Морду давай посмотрим". Морду я знала. Морды мы плели.. Достал опять немножко. К рыбакам приехали - только одна избушка. Кругом нары. Говорит (говорят) - Сейчас пойдем долбить да в озере невод ставить. Пошли. Говорю - "я с вами" а он "Елена Петровна, вы же в пимах. А там как лунку раздолбишь - вода." Я говорю - "Я знаю. Я что, сидеть буду здесь". Ну пошли. Но ведь интересно, как вот эту сеть спустить под лед. Их было 6 рыбаков, по 3 человека, по обе стороны, лунку широкую продолбят, проталкивают жердь, к жерди привязан веревочкой невод . Ну я говорю - "давайте мне.. Я буду долбить". "Да вы же сейчас в воде будете..!" И действительно, чуть отверстие продолбишь а оттуда как воды хлынет! Вот невод они

протащили. .. Килограмм 10 в тот раз рыбы собрали. А сколько стараний.. Пришли в избушку. Председатель такой славный был, прикрикивает на рыбаков “Ребята, не курите в избушке!” А там давай уху варить, сварили.. “Всё убрали с печки? - Всё”. Тогда он пошел лед с моих пимов отдолбил и повесил над печкой. (смеется)

Про поляков. (Из Александрово?)

Освободили - и в Томск- сухим пайком снабжали. по мешку сухарей им дали. и сахара. масла мало давали - жарко. Июнь месяц. У кого обуви нет - обувью. Телячьи вагоны подогнали. Железная дорога была в самом центре. (про Томск). И тут их грузили. Меня давай уговаривать в области - сопровождай до Польши. Я отказалась. Позже встретила с человеком (встреча с ветеранами была, звали Богданом, видимо как-то приезжал в Ал-во) из этой партии. Он рассказывал - “нас до Польши не довели, до Воронежа довели, остановили. А в Польшу тогда опять немцы зашли. Мы в Воронеже посидели неделю, нашего брата молодых, которые уже пригодные, всех в армию взяли. Одели в обмундирование, дали оружие - и на передовую. Семьи тут остались. Позднее их перевезли в Польшу.“А его родители в Воронеже остались. И он тут остался. Хороший человек, посылочку потом высылал. В университете работал. Очень грамотный.

Вот так и прожили. Жизнь хорошая наступила - жить мало осталось.

Помню эстонцев привезли. Ну у них вещички были. Одна приносит вязаные чулки. “На продукты меняю”. Ну тут рядом стоит медсестра, говорит “Бери, Ленка”. Сколько? - вот столько. Я говорю - могу только частями отдавать. Если все сразу отдам - голодать буду. - ладно, частями. Частями за них рассчиталась.

Потом приносит часы. Столько-то. Ой, нет, говорю. У меня денег нет. Таисья Петровна, старшая медсестра “Ленка, я тебе вот столько то дам..” Ну и меня было немного. Ну тоже частями рассчиталась. Они (эстонцы) в Тополевке жили. Верили же они нам. Вот так вещички и заводила.. Частями (смеется) Тогда, конечно, у кого были деньги, кто был по-богаче, они оделись. Потом ссыльным разрешили посылки получать. И пальто, и платья. Богатые то тогда набрали. Наш брат, мелочовку.

СК: Откуда богатые то были?

ЕП: Начальство. У них жены не работали даже. В исполкоме.. райкоме..

СК: И в войну не работали?

ЕП: да, у них отдельный магазин был. Снабжали их хорошо. Туда всё возили. И дешевле. А мы то в обычный, пустой и дорогой магазин ходили. Хлеб да крупу наберешь, вот и всё.

В войну помню меня переводили в исполком, в архив звали работать. Муж подруги предлагал устроить. Там и зарплата большая. Позвал поговорить, предложил. “Да вы что? Я на медсестру училась и ей буду работать” “Дурочка, здесь же в 2 раза больше платим чем у час там!” “Нет, не пойду”. Не пошла.

Без денег, без тряпок. Дали мне квартиру. Когда я в неё зашла - Боже мой... Печка стоит. Спрашиваю - где мне дрова взять? - сейчас привезут. Привез мне пеньками. Говорю, у меня топора-то нет.. Наколот мне, стаскал в сенки. Печку затопила, топится. Дня через 3 затопила и трубу забыла открыть. Дым шурует..

Зимой пришли девчонки-ребята. Я печку-то подтопила А ребята - труба - то у тебя закрыта! Я - ничего, нормально. (смеется) А они мне - ты так и живешь?? - так и живу, говорю. Где-то выходил дым, не угорела.

А потом меня за стенку перевели, в двухквартирном доме, в комнатусечку. Койка да тумбочка. Да ещё подселили рядом. Судью, Лидия Ивановна. И их двое. В маленькую комнатусечку. У неё мальчишечка Костя, такой балагур. А она судья, все время в командировках.

В Раздольное поехала. Один год там столько медведей было - страшно. И она медвежатину привезла. “Я медвежатину привезла молодую. Давай сегодня будем жарить”. Нажарили. Большую глубокую сковороду. Судья: “Только ребятам не говори, а то есть не будут”. Наелись. И тут Костя “Мама, что-то я не пойму - мясо то чем пахнет?” “Мясом. Говядина молодая.. Закололи..” “А-а-а, он наверное совсем молодой был, совсем ничем не пахнет” (смеется) Я вышла в свою комнату, хохочу.. А он снова - “Лен, ты что ушла-то? Сейчас улыбнется (закончится) сковородка-то” “Да сковородка-то останется живая. А вот на сковородке - дело другое”. “всё съем” “Ешь на здоровье” У них и корова была. Потом они поехали в отпуск. Лидия Ивановна говорит - молоко хоть куда день, только день - корова-то отелилась. Доить-то умеешь? спрашивает у меня. Умею, говорю. Утром пойду - чуть не ведерко. Вечером она с пастбища придет - тоже. Столько молока - куда его девать... И раздавала его.. И сметану потом давай снимать... Масло взбивать.. Девчонкам - санитаркам на покос отправляю, они там косят.

На меня оттуда жалоба пришла в милицию. Я оставалась за старшую (медсестру?) требования выписывала на кухню. С поваром договоримся - “Я выпишу вот этого чуть по-больше. Останется - туда увезти (санитаркам на покос)” Ведь голодные были... “ну давай..” он мне в

ответ. Я посылала. А там одна возьми и напиши в милицию письмо. Что вот ворует от больных и присылает нам. И потащили в милицию старшую сестру... Я прихожу. А там дело повёл один паренек знакомый. Он записал всё, честь по чести. “Что на покос отправляли?” Как что, говорю, кроме молочное. Вот говорю больной выписался - хлеб его остался сухой. “Вы отправляете и масло, и сметану и творог” “Да, говорю. Приходите ко мне - я и вам могу”. Заходит этот начальник. “Откуда это вы берете? Из склада?” “да нет говорю, у меня корова есть” “Какая ещё корова?” “Обыкновенная, говорю, корова. Мне одной не осилить. Молока много. Творог я отсылаю. Сметану отсылаю. Даже иногда масло” “А хлеб?” “Хлеб говорю - больного выписали, а он отказался. Но я собакам не стала выкидывать. Но он сухой, топором руби. Я его послала туда. Там голодные люди. Косят, работают” Допрашивали... “Ну идите” Через 3 дня опять вызывают... Я уж испугалась. А парень-то знакомый был. “Ну ты сознайся. “ “ Я говорю - а что сознаваться-то. Ну садите на 3 года. Я отбуду. Я ещё молодая. “ “Легко сказать отбудешь”. “Отбуду. Ну если брешут..” “Ну вот письмо”. Дай говорю прочитаю. Санитарочка писала.. “По почерку хочешь узнать?” Я говорю – «я сразу узнала”. Потом опять Киселёв (начальник) заходит. “Ты же комсомолка.. Что ты делаешь? Ворует?” “Никогда, говорю”. Допекали они меня, допекали. А я только одно - ничего не брала, ничего не воровала. “Идите домой”. Ушла. Потом уже Василий, милиционер, разговорились с ним “А я хотел за ней приухлестнуть... Жениться хотел..” “А что-ты молчал-то? Сожги дело” (это видимо был их разговор с начальником.) Всякие страсти мордасти были..

Косишь - а комаров...Мне голову-лоб дёгтем девчонки намазали. И мне повестка. В армию. А тогда трудовую книжку на руки отдавали. Комсомольское дело тоже на руки отдавали. Я пошла в райком комсомола. Косыночкой лоб (а его я дегтем сожгла) закрыла. Снялась с учёта.. А собирать-то что? Думаю тащить ли деревянный чемодан с собой.. Потом опять оставили.

Потом я всё на стогу стояла. Все лучше - ветерок, комаров нет (смеется) Всё смеялись санитарки - ну нашла выход. Комаров вот уйма была. Дышать нечем было. Они исчезли, когда Стрежевой стали строить.